

АЙРИН
ЛАКС

Моя
НЕ ОТДАМ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Айрин Лакс

Моя. Не отдам!

«Автор»

2025

Лакс А.

Моя. Не отдам! / А. Лакс — «Автор», 2025

— Ты проникла в мой дом без разрешения, — спокойно сообщает мужчина, отбрасывая на меня тень, и так же спокойно добавляет. — Ты заслужила наказание... И медленно вынимает ремень из брюк. — Это недоразумение. Я стала жертвой мошенника. Он риелтором представился... — отползаю к спинке кровати. — Да вы... Вы его наказать должны! — Обязательно займусь. Позднее. А пока... — окатывает меня ледяным и горячим взглядом. — Раздевайся и прогнись над кроватью. Будешь послушной, постараюсь не делать больно. В книге присутствует нецензурная брань!

© Лакс А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Айрин Лакс

Моя. Не отдам!

Глава 1

Ника

– Эй ты...

В попу утыкается что-то твердое и длинное, холодное.

Настойчиво нажимает на ягодицу, давит, пробираясь вверх, под просторную шелковую сорочку. Ткань – откровенная паль и дрянь, но с моими финансами и возможностями мой потолок – это закупки откровенной подделки с маркетплейсов.

– Дрыхнешь, что ли? Охренеть, ты...

Грубый, хриловатый голос окончательно прогоняет сон.

По спине ползут мурашки.

Ползут-ползут и... внезапно превращаются в табуны безумно острых пиков, когда я понимаю, что по моей спине водят холодной сталью и тычут. Немного левее от позвоночника.

Вскидываясь от паники, собираюсь встать, но меня тут же опрокидывает обратно огромная, сухая ладонь.

– Лежи.

Вжимает в кровать нагло, садится.

Матрас прогибается под весом тела.

Щелкает кнопка ночника, спальню арендованного дома заливают приятный свет.

Я едва дышу.

Ко мне в спальню ввалился... неизвестный и тычет в меня...

Дулом.

Между лопатками собирается нехорошее ощущение, и эмоции обострены.

Я бы хотела обмануться, что это не дуло пистолета, но что-то другое.

Однако инстинкты не обмануть.

На миг меня охватывает паникой: что, уже нашли? Так быстро...

– Кто такая? – звучит вопрос, как будто окрик. – Как в мой дом влезла, ты...

Он нажимает сильнее, кажется, еще немного, и... Ударит рукоятью пистолета по затылку.

Собираю в себе силы, осторожно поворачиваю голову в сторону, пытаюсь разглядеть человека за моей спиной.

В лицо лезут пушистые волосы.

Через миг рядом с моим лицом опускается ладонь, я разглядываю крупные, длинные пальцы с татуировками, посиневшими от времени. У него очень большие руки. На запястье – дорогие часы. Одна надпись Patek Philippe намекает, что я попала по-крупному.

Как же так, а?

Домик неплохой, конечно.

Откровенную гниль я бы снимать не стала, но уровень коттеджа явно не дотягивает до уровня человека, который носит на руках часы стоимостью с крутую недвижку...

Через миг пальцы отводят мои волосы в сторону небрежно, открывая лицо.

– Смазливая. Но рыжая... – в голосе звучит откровенное “буууууе”, и я даже этому рада. – Отвечать будешь? Или как?

– Можно я сяду? Нормальные люди ведут диалог лицом к лицу.

– Нормальные люди по чужим домам не лезят!

– Я сняла этот дом! – цежу едва слышно. – Взяла в аренду на длительный срок.

– Пиздишь.

– Документы на аренду во втором ящике комода лежат. Так что я нахожусь здесь на законных основаниях, а вы кто такой? – собираю остатки смелости.

– А я... – наклоняется, выдохнув в волосы. – Я законный хозяин этого дома, и я свою недвижимость никому не сдавал. Села. Живо. Посмотрю на твою наглую рыжую морду!

– Перестаньте давить на меня, и я сяду.

Он отстраняется, жара сразу же становится меньше, появляется возможность дышать.

Я сажусь в кровати, приглаживая пальцами распустившиеся волосы. Поленилась вчера делать маску, и вот результат – на голове пышное облако. Утром придется постараться, чтобы продрать это...

– Где, говоришь, документы лежат?

Я скольжу взглядом по мужчине. Он до сих пор сидит на кровати. Первое, на что я обращаю внимание – у него в руке, действительно, пистолет.

Второе – он мощный. Откровенно говоря, здоровый мужик.

Я сама высокая, меня всегда называли дылдой, но этот мужик повыше меня будет на полторы головы.

И он белый. Почти белоснежный.

Над висками серебрится иней совсем коротких волос, чуть выше они длиннее, и зачесаны назад. Выражение лицо хмурое, взгляд – свирепый, настороженный и очень острый.

– Сиськи ты мне уже показала. Теперь покажи липу, – командует.

– Что?

– Сиськи, Белка. Сиськи, – машет дулом в мою сторону. – Могли быть и побольше, но и такие сойдут.

Я быстро опускаю взгляд и отпускаю вслух несколько нелестных выражений в адрес производителя топа от пижамного комплекта для сна. Гелевые лямки совсем не держатся на месте закрепления, из-за этого верхняя часть опустилась, показывая грудь.

И я вот так... с грудью напоказ... сижу?!

Шок, конечно же, но Мо... Ты же приличная.

Я подхватываю лямки, быстро исправив оплошность.

Встаю на деревянных ногах, ощущаю, как взгляд мужчины ползет от коротких пижамных шортиков к щиколоткам и обратно.

– Давай, белка, шевелись! – требует он.

– Белка?! – ахаю возмущенно.

Он совсем неделикатно заглядывает мне в рот, ныряя взглядом, и добавляет во взгляд постного выражения.

– Белка потому что рыжая! Документы тщи, живо! Если они у тебя есть.

– Есть! И не надо так...

– Что?

– Смотреть на меня!

Ищу взглядом халат, не могу найти, потом замечаю его кусочек под задом мужлана.

– Вы на мой халат сели. Можно как-то... Достать его из-под вас?

– Халатик достать. А потом что? Носик тебе дать припудрить? Охуела? Документы! – требует.

И я приседаю в коленях от этого ледяного тона. Буквально ниже становлюсь, уменьшаясь в росте на несколько сантиметров, что было бы, пожалуй, даже неплохо...

Пальцы трясутся, когда я подаю незнакомцу документы об аренде дома на длительный срок. Дом, можно сказать, в глуши, но меня все устраивало. За продуктами можно в город раз в неделю съездить.

– Вот, – показываю пальцем. – Видите? Все законно.

– Сергеева Вероника Андреевна и... – поднимает взгляд, опускает, снова читая строки. – Аматунян Арсен Оганесович...

Мужик делает паузу.

– Я похож на Аматуняна Оганеса?

– Аматунян Арсен Оганесович.

– Поебать, – комкает договор и швыряет мне в лицо. – Забирай, можешь подтереться. Это липа. Выметайся из моей хаты.

– Вот еще! – сжимаю пальцы в кулаки. – Я здесь уже две с половиной недели живу, я...

– Заметно, что живешь. Вся хата воняет бабой, помешанной на благовониях. Моя хата воняет... Пиздец.

– Докажите!

– Че?!

– Докажите, что вы – хозяин! – требую. – Аматунян мне документы показывал. У него была доверенность на распоряжение этим имуществом, а вы...

От нового взгляда мужчины, полного ледяного бешенства, хочется залезть под кровать и не выбираться оттуда! Но я заставляю себя продолжить:

– Вы же мне только ствол продемонстрировали. Бандит! Да вы, скорее всего, просто влезли в этот дом, желая поживиться. Домушник наглый!

В ответ мужчина поднимается, и я понимаю, что... недооценила.

Да, недооценила его габариты.

Мать-перемать, он такой огромный, боже.

Я думала, мой батя – самый здоровый мужчина, которого я знала.

Но этот... этот размером с полярного медведя!

Только в костюме.

Тоже дорогом, эксклюзивном...

– Доказать тебе, значит? – хмыкает. – Давай. Я доказываю, а ты вину отрабатываешь. Чем лучше хуй сосешь, тем быстрее вину загладишь.

Глава 2

Ника

Вину загладить?!

Какую вину!

Я ни в чем не виновата...

Нет, вообще-то кое-что мне мне можно инкриминировать, но явно не со стороны этого здорового полярного медведя.

– Еще чего. Ничего я вам... сосать не стану!

– Станешь, – кивает, почесав дулом свой подбородок.

– Ствол не аргумент. Физическая сила – тоже! – говорю, сглотнув страх.

Именно от таких аргументов я и сбежала, чтобы... Что?

Чтобы в глуши наткнуться на психопата?

Страх сжимает нутро в ледяной комок. Ребра не могут расправиться при очередном вдохе.

Дыхательная гимнастика вмиг оказывается забытой от мысли, что мы в этом доме одни – я и этот бугай.

Он может...

Да, может пустить в ход и кулаки, и пистолет. Он настоящий, без шуток.

Но я все же пытаюсь придать себе уверенности. Говорят, хочешь заставить кого-то в себя поверить? Для начала поверь в себя сам! А если веры нет? Объективно, нет веры в то, что я справлюсь физически с этим мужчиной? Нет, конечно, не справлюсь: силы не равны.

Но я ни за что не хочу показывать, как дико страшно вновь оказаться на поле, где решает сила.

Поэтому блефую, придавая себе уверенный тон.

В конце концов... Я этот дом сняла за хорошую сумму, очень даже недешево!

Я, что, прогнусь под требования первого же пидюка, который залез в дом, чтобы обнести его, и просто не ждал, что в нем кто-то окажется?!

Но тут есть затык.

Логический.

Если он – домушник и хотел что-то украсть, то почему он не сделал это тихо, ведь я крепко спала.

Если он – домушник и хотел что-то украсть, почему просто не свалил так же тихонечко, заметив постороннего?

И не похож он на одного из домушников.

Повадки другие.

Этот мужчина ведет себя здесь на территории, как хозяин, опять же... Разбудил меня...

Что же делать?

Впрочем, некогда думать. Пора выяснять детали.

– Закон есть закон. Он един для всех. Либо доказывайте, что вы хозяин этого чудесного домика. Либо...

Подобравшись близко ко мне, мужчина немного наклоняется и принюхивается.

– Ты страхом воняешь... И еще что-то вякаешь?!

Он снова втягивает воздух крупными ноздрями, чиркнув носом по моей шее.

Острые пики мурашек кольнули кожу.

Я постаралась не дышать запахом постороннего, но все же вдохнула морозной свежести. Запах хорошего парфюма, аромат дороговизны и тотального спокойствия.

– А нет... Это не страх. Наверное, это твои благовония все кругом провоняли. Даже от тебя ими смердит. Тьфу, – сплевывает на паркет спальни. – Мне после тебя на кучу клинингов разориться придется.

– Смердит?! – ахаю возмущенно. – Так пахнет мой парфюм. Это сандал и мирра от Giardino Benessere! Аромат унисекс...

– Аромат анти-секс! – отрезает.

– На вкус и цвет фломастеры разные! – отрезаю, сложив руки под грудью. – От вас тоже пахнет не особо приятно.

– Вот как? И чем же от меня пахнет?

– Дешевым ментолом зубной пасты! – улыбаюсь ему через силу.

Ну что, съел?

Он смотрит на мои губы, неспешно очерчивает рот ледяным взглядом и добавляет.

– Ментол – запах свежести, – хмыкает. – Люблю ментол. Зато от тебя пахнет как от церковной свечки.

– Церковные свечи пахнут ладаном. В моем парфюме ладана нет! – упрямо стою на своем.

– Да похуй мне. Я тебя, что, нюхач, что ли? Надушилась, как старая бабка. Рыжая... – и снова смотрит на мой рот. – И скобы на зубах... Полный треш-набор!

Он кривится, а потом роняет ладонь на плечо.

– Я свое слово сказал. Можешь начинать разминать глотку прямо сейчас!

– Утром – деньги, вечером – стулья! – отрезаю я. – Сначала докажите свое право собственности, а потом на рот претендуйте. Говорите, полный треш-набор, а самому не терпится? Ай, как скобы зашли, да? – провожу языком по зубам, демонстрируя брекеты.

Во взгляде мужчины просыпается интерес. Вернее, он и до этого был, просто сейчас пробуждается острее, разгорается ярко.

Темные зрачки расширяются, поглощая светлую радужку. Теперь у него точно глаза, как у полярного медведя – беспросветные, внимательные.

– Язык у тебя, как посмотрю, ловкий, – замечает с усмешкой.

Потом он проводит пальцами по пряжке своего ремня, замечая:

– А может быть, сегодня – стулья, а завтра – деньги? Сосать тебе все равно придется, Белка.

– Нет. Такие условия душа не принимает. Какие ваши доказательства права собственности?

Вывернувшись из-под его ладони я отхожу на безопасное расстояние. С любым другим человеком пары метров вполне бы хватило, чтобы чувствовать себя спокойнее, но только не в его присутствии.

Он подавляет, поглощает пространство, заслоняет его собой.

В конце концов, просто взгляды притягивает!

Мужчина деловито прячет пистолет в кобуру, и потом вдруг резко приближается. Я пропустила момент, когда он вдруг срывается с места плавно, но быстро, оказавшись рядом. Его пальцы зажимают подбородок в тиски и надавливают.

– Будут тебе доказательства. С самого утра к моему законнику рванем, он тебе все бумаги в реале покажет. Не странные мутные доверенности, а реальные бумаги о собственности.

С каждым его словом мое нутро сжимается все больше и больше.

Ловлю знакомые выражения и словечки, понимая, что дела мои плохи.

«Законник», «бумаги»...

Обычный человек так выражаться не станет.

С пушкой ходить – тоже.

Может быть, мне просто свалить по-тихому?
Деньги я потеряла, но голова пока на моих плечах.
Извинюсь и тихо свалю. Под покровом ночи.
Жалко, конечно, будет уезжать.
Уютно здесь так, функционально.
В доме сухо и тепло.
Кругом – спокойно и тихо...
Я такой тишины ни разу в жизни не слыхала, как здесь, когда даже слышно, как падает снег.

Жалко, но...
Привязываться не стоит. Тем более, дом не мой, а вещи – штука наживная.
Были бы деньги.
Деньги у меня еще есть.
Поэтому я решаю уйти в сторону.
Это не побег, это стратегическое отступление, говорю себе.
– Знаете, что, с психопатами связываться – себе дороже. Покиньте комнату, я оденусь!
– Далеко собралась?
– Сделаю то, что вы хотите. Покину этот чертов дом. Выйдите.
Открыв ящик комода, достаю брелок. Машина заводится, пока я быстро соберу самое необходимое, тачка прогреется.

– Уехать хочешь.
– Да.
– Славно, – кивает и резко выходит из комнаты.
Я собираюсь по минимуму. Многое здесь оставить придется. От благовоний и моих ненужных вещей пусть сам избавляется.

У меня выходит рюкзак и туго набитая спортивная сумка.
Выхожу из дома.
Ночь, но светлая... Наверное, от снега. Все кругом белое, свет как будто исходит от самой земли, освещая пространство. Машина рычит мотором.

Мужчина курит на крыльце, привалившись к перилам.
Обхожу его, сжав зубы, и направляюсь к машине.
Спину между лопаток жжет пристальным взглядом мужчины.
– А попрощаться? – прилетает издевательски.
– Чао.

– Ну-ну. Легкой тебе дороги, Белка! – смеется.
Я не понимаю его острого и темного веселья.
Ничего не понимаю, пока...
Пока не перевожу взгляд на колеса машины.
Они спущены.
Все. Не могу поверить своим глазам! Нет, я просто не могу поверить. Было все нормально.

Оббегаю машину кругом, разглядываю.
Порезаны.
Жестоко порезаны на лоскуты.
Смотрю на это издевательство и с трудом сдерживаю эмоции.
На плечо тяжелым гнетом опускается ладонь мужчины.
Пальцы сжимают плечо тисками.
– Ты остаешься, Белка. До выяснения всех обстоятельств.

Глава 3

Ника

Моя машина.

Мою машину испортили! На ободах же не поеду.

Во мне зреет ярое возмущение, которому просто не хватает места внутри. Терпеть не могу, когда портят мои вещи. Без спроса берут и... портят.

Плюс портят шанс на мирное урегулирование, а я ведь просто была готова раствориться без следа и забыть. Но теперь пути назад нет.

Моя машина... Подержанная, конечно, но добротная, не подводила меня еще ни разу. Запасных колес у меня при себе нет.

Я бросаю еще один взгляд на изувеченное имущество и глотаю ярость. Однажды я видела, как батя в приступе ярости избил провинившегося охранника телескопической дубинкой. Они под запретом, но когда эти запреты останавливали. У отца – та самая, специализированная, очень мощная в действии. Я тогда была еще очень мелкой и не особо понимала, почему всегда папа, по большей части, довольно спокойный, вдруг так сильно разошелся, и отлупил охранника. Позднее я узнала, что он сильно провинился, но все равно считала, что такое жестокое наказание несоизмеримо с повинностью. Однако сейчас я бы сама с удовольствием прошлась такой же дубинкой по бугаю, чтобы сбить с его лица спесивую ухмылку превосходства.

Порезал колеса.

Я все еще не могу поверить!

Ладонь мужчины перемещается с плеча на спину, надавливает между лопаток.

– Вернись в дом.

– Зачем? – огрызаюсь нервно. – Ты же против моего нахождения в этом доме...

– Конечно. Я не рад незванным гостям. Тем более не рад термитам. Но только ты того самого Арбузяна видела.

– Аматауняна.

– Да мне плевать. Вот как раз и расскажешь, кто, как выглядит, где познакомилась, как нашла объект недвижимости. В базах его быть не могло, – рассуждает спокойно.

Я цепляю взглядом его светлые, белые волосы. Точно полярный медведь. Роба свирепая. Взгляд пробирает до мурашек. Отталкивающий тип с мощной энергетикой. Хочется создать между нами как можно больше расстояния, что я и делаю.

Но в направлении, противоположном дому.

– Куда пошла? – роняет удивленно.

– Вперед.

– А дальше?

– Дорога до города прямая, насколько я помню. Пару небольших поворотов не в счет! – добавляю.

Снег под ногами поскрипывает. Значит, мороз поднимается. А до города... Даже представить страшно. Но разве я сейчас думаю тем местом, которое за логику отвечает? Нет! Если бы я тем самым местом думала, сидела бы сейчас в тепле золотой клетки, изредка замазывая синяки тональником. Но в тепле же... А насчет всего остального – ну, бывает... Живут же другие, терпят. И не такое терпят, а я...

Упрямая ослиная задница!

Нечто совершенно неподвластное мной движет. Такое, что я сама от себя в шоке и закрываю глаза: дураааа... Дурач, что творишь?

Но эти мысли слишком тихие, едва слышные.

Намерение уйти как можно дальше заставляет меня выйти за пределы ворот и по тропинке направиться к дороге, ведущей в город.

Вслед прилетает негромкий, но емкий мат.

И больше ничего.

Первый километр я вышагиваю бодро, весело, с намерением!

Второй километр тоже еще довольно сносно пролетает.

На третьем километре у меня начинает отваливаться кончик носа. Я прячу его за воротником пуховика, и ткань быстро намокает от дыхания через рот. Намокает, промерзает, мерзкое ощущение.

От дыхания в воздух поднимается пар, ноги гудят. Куртка потная, противная, уши под тонкой шапкой стынут, ведь я схватила первую попавшуюся, а она – сезоном весна-лето.

Еще и писать хочется.

Аааа...

Господи, только не сейчас!

Я не хочу писать. Я потом пописаю.

Но мочевого пузыря не хочет писать потом, ему хочется быть опорожненным именно сейчас.

И чем больше усилий я прилагаю, чтобы игнорировать эти позывы, тем мучительнее становится желание.

До каменной рези.

Оглядываюсь.

Нужно спуститься с дороги, на обочину, а там довольно круто и полно сугробов.

Мне, что, в сугроб голой задницей нырять или присесть на обочине? А вдруг машина...

Да плевать, я сколько иду пешком, еще никого не встретила.

Быстро сделаю.

Раз-два и готово...

Боже, как я жалею, что у меня нет члена: с ним и мой рот смотрелся бы уместно, и даже рыжие волосы с конопатым носом. Отрастила бы себе бороду, и все. Рост, член и борода – и ты уже не страшненькая девочка, которую всю жизнь дразнили, а крутой мэн.

Пальцы в тонких перчатках не в состоянии справиться с туго завязанным узлом на брюках. Я в приливе эмоций туго завязала. На два узла, блин!

Ааа... Стаскиваю перчатку, пытаюсь развязать пальцами. Не выходит. Да что же такое, я сейчас в штаны написаю...

Так, спокойно... У меня в рюкзаке должен быть маникюрный набор. Там ножницы... Срежу узелок.

Сбрасываю рюкзак, шарюсь по нему и плачу от разочарования: нет!

Я его на столе оставила.

Бугай меня напугал, вывел из равновесия. Я действовала в условиях экстремального бегства и хоть постоянно держу в уме список самых необходимых вещей, в спешке не положила в рюкзак набор с ножницами.

Дергаю узел с бессилием, ничего.

– Да помоги же ты, господи! Твою мать. Ты там сидишь и потешаешься, что ли? А?

Разозлившись, наклоняюсь за снегом и, скомкав его в шар, запускаю в пустоту. Выпускаю с криком всю злость и обиду.

– Аааааа!

В этот момент по ногам ползут пятна света от фар автомобиля и слышится звук работающего двигателя.

Машина едет в сторону города.

Фары слепят, мешая и рядом со мной притормаживает автомобиль.

Дверь с пассажирской стороны приоткрывается.

Я даже о том, что пописать хотела, забываю, бросаясь к машине.

– До города не подбросите? – распахиваю дверь и залетаю туда, а потом...

Отшатываюсь.

Потому что за рулем тот самый тип.

И он резво затягивает меня в салон за воротник куртки.

Одной рукой.

– Будем считать, что ты мозги проветрила и готова сотрудничать.

– Я не готова, я...

– Ну иди тогда, сопли морозить дальше.

Дверь не закрыта.

Но я уже задубела, а в салоне так тепло, так вкусно пахнет...

– Наверное, еще и мочевой вот-вот лопнет... – спокойно продолжает, и я...

Вспоминаю о нужде, взыв мысленно: «Скотина! Зачем напомнил?!»

– Откуда ты знаешь?

– Это естественная реакция живого организма на физическую нагрузку. Хочешь обоссаться на морозе или все-таки мы будем сотрудничать?

Похоже, выбора нет. Ладно, пусть думает, что я с приветом.

– Будем сотрудничать. Есть нож? Я реально хочу в туалет, а тут узел...

– Держись крепче... – хмыкает.

Через миг его светлая макушка проносится мимо моего лица, тело окутывает жаром близости.

Дверь захлопнута. Машина лихо разворачивается и с оглушительным ревом несется по заснеженной дороге.

Мои глаза округляются так же стремительно, как быстро ползет вверх стрелка спидометра.

Мы разобьемся... Я не адреналищица. Меня вжимает в кресло от скорости и страха.

Такое же резкое торможение вызывает чувство, будто я уже... уже под себя сходила.

Глаза зажмурены, дыхание частое.

Наглая рука лезет куртку, в штаны.

– Эй!

Лезвие рассекает воздух.

– Беги... – ухмыляется кретин.

Я... Мы...

Аааа... Уже у дома!

Несусь обратно со скоростью гепарда, залетая в просторный санузел на первом этаже.

– Как хорошо, блиииин! – почти плачу, успев в самый последний момент.

* * *

Выхожу. Хам терпеливо ждет и улыбается во все тридцать два зуба.

– Ты так стонешь и покрикиваешь. Во время оргазма такая же шумная? Удовольствия от секса больше в разы, чем просто помочиться, когда сильно хочется.

– Нет.

– Тихая, что ли?

- Не думаю.
- В смысле?
- Я фригидная! – лгу, потому что мне как бы сравнивать не с чем. Секса у меня еще не было.
- Фригидная чокнутая белка-мошенница. Что еще?
- Эммм... Немного скелетов в шкафу и семейных секретов, но я делаю честные глаза и трясую головой:
- Ничего. Скорее всего, я стала жертвой мошенника.

Глава 4

Ника

В доме пахнет морозной свежестью.

Этот тип оставил распахнутыми настежь все, до единого, окна, пока крался следом за мной на машине.

Ногам сразу становится прохладно. Я переоделась обратно в пижаму, сажусь на кресло с ногами, укрывшись пледом, пока бугай закрывает окна.

Потом он знаком приглашает меня за собой.

– Документы с собой возьми.

Выбирает кухню.

Он усаживает меня за барную стойку и расправляет на столе мятые бумаги об аренде, читает внимательно.

Спрашивает. Выясняет подробности.

Переспрашивает.

Снова задает вопросы с самого начала.

Потом о том, что было в самом конце.

И так по кругу!

У меня уже язык заплетается.

– Ты хочешь меня на деталях словить? Не выйдет! Мне незачем врать! – выкрикиваю охрипшим, сухим голосом.

– Выпей теплой воды, – советует. – Не прохладной.

Я следую его совету, нервно оглядываясь через плечо.

Чувствую, он смотрит.

– Что? – огрызаюсь.

– А ты не маленькая.

– Какая родилась.

Бугай медленно скользит по моему телу взглядом вверх и вниз, вверх и вниз, даже как будто под пижаму проникает.

Его взгляд как холодные щупальца.

Я пытаюсь абстрагироваться. Но не выходит игнорировать интерес в его взгляде.

– Ноги длинные, – кивает удовлетворительно, трет подбородок.

Он начисто выбрит. До синевы.

Я опускаю взгляд вниз, потому что не в силах разглядывать его мощный подбородок и крепко сжатые губы. Почему-то внутри все мелко-мелко начинает дрожать.

– Это ты к чему?

– Просто факты констатирую. Кое-что я понял. Сядь.

Сердце падает вниз, рухнув в район желудка. Оно дрожит там словно испуганный птенец, и рвется вверх, до самого горла.

– Понял, кто это тип. Не Умаросян или как его там. Документы липовые. Но я понял, откуда у него доступ и ключи от дома.

– И? – осторожно спрашиваю. – Откуда?!

Внезапно я понимаю, что автоматически согласилась с доводами незнакомца, мол, это его дом.

– Я заказывал клининг. Крутился там один, черный... – размышляет. – Думаю, быстро понял, что бываю в доме редко, подсуетился. Подделал бумаги, якобы может распоряжаться имуществом по доверенности, и сбрил с тебя денег немало.

– Так, постой. А ты чем докажешь, что этот дом – твой?

Он игнорирует и быстро машет перед лицом выпиской какой-то, успеваю выхватить взглядом начальные буквы фамилии Осл... и больше ничего.

– Ментов, что ли, вызвать? – спрашивает лениво. – Приплетут тебе соучастие в мошенничестве...

Ментов мне только не хватало.

– Можно же решить вопрос мирно. Сам посуди, я немаленькие деньги отдала, а ты... Не разобравшись, машину мне испортил. Я жертва, а не преступник.

– Зачем тебе дом в глуши? – перебивает.

– А тебе?

– Я тишину люблю, – закуривает. – Был в поездке. Иногда возвращаюсь сюда. Побывать одному. Вопрос снят? Ты зачем сюда...

– Тоже... тишину люблю. Медитирую. У меня испытание духа, – несу заученные фразы. Самая хорошая ложь – та, что правдивая.

Он кивает. Повисает тишина, в которой слышно, как шипит сигарета и размеренно дышит мужчина. Я вообще не дышу, я хватаю воздух поверхностно, как птичка.

– Дан.

Короткое слово звучит словно выстрел в тишине.

– Что?

– Зови меня Дан.

– От имени Даниил? Даня?

– Дан, – стреляет холодным взглядом. – Назовешь Даней, будешь грызть мерзлую землю.

– Хорошо, Дан. Что дальше?

Тянусь к своим документам, он небрежно накрывает их ладонью и прячет в карман.

– Пусть будут у меня.

– Сколько?

– Я решаю. Не пизди.

Напряжение стягивает нервы в узел.

Молчание длиной в несколько минут растягивается на целую вечность.

У меня мурашки размером с воробья. Не меньше. Я даже пошевелиться не могу, когда мужчина на меня начинает смотреть. Словно на допросе.

Контролирую дыхание, пульс... Они срываются. Снова ловлю.

Он подсекает взглядом, и меня снова толкает в лихорадочную истерику, которая беснуется внутри.

Дан неторопливо курит, стряхивая пепел в большую пепельницу, оставляет сигарету тлеть на краю потом перемещает стул по кафелю.

Ножки скребут пол, действуя мне на нервы.

Я оспасением наблюдаю за его передвижениями.

Мужчина садится напротив.

Я даже удивлена, как его зад умещается на барном стуле.

Но через миг удивляться приходится мне.

Сев напротив, он ставит одну ногу между моих, опустив ступню на поперечную перекладину.

– Это вторжение в личное... пространство.

Он лишает меня шанса отодвинуться, резко опустив на мои колени пальцы. Сжимает коленные чашечки словно тисками.

– У тебя фальшивые документы, Сергеева Вероника Андреевна. Неплохие, но подделку видно.

Дергаюсь.

Он сжимает пальцы сильнее, впиваясь.

– Фаль-ши-вы-е. Выход у тебя только один. Оплатишь проживание в моем доме. Я сделаю вид, будто тебя не видел.

– Сколько?

– Мой отпуск.

– Не понимаю. Сколько денег я тебе должна?

– Деньги меня не интересуют. Своих хватает.

– Тогда что?

– Догадайся, – ухмыляется. – Мне нужен приятный досуг. В постели. За шлюхой ехать лень. Ты сгодишься. Рыжих я еще не ебал. У тебя там тоже рыжее? – и оттягивает резинку моих пижамных шортов вместе с трусами.

Глава 5

Осло

Я успеваю только оттянуть резинку пижамных шортов вместе с трусами, как вдруг стул отъезжает по полу назад. Рыжая, оттолкнувшись длинной ногой от пола, резко сдвигается назад.

У меня между пальцев остается только воздух и кипящее раздражение.

– У меня там... давным-давно полное бикини. Лазерная эпиляция. На теле ни волоска. Не на что любоваться! – чеканит строго.

Как будто отчитывает, смотря с ругливой интонацией, но придерживая на поводке.

Губы движутся отрывисто. Зрачки сердито блестят.

Большие глаза широко расставлены на бледном лице. Копна волос пушистая, от резких движений некоторые пружинки волос энергично подпрыгивают. Она даже не пытается их поправить.

В ней есть много острых углов: движения резкие, слова не соответствуют поведению любой другой девушки в момент опасности.

Если бы эта девица была просто глупышкой, которая стала жертвой мошенника, она бы от страха и слова не вымолвила, увидев в доме незнакомца. То есть меня. Еще с оружием. Но она лопочет бойко и по делу. Даже шуровать по морозу несколько километров не побоялась. Уверена, будь у нее пушка, она бы попыталась выставить из моего дома меня же самого!

Интересно.

Нет, любопытства нет. Да и как баба она... не совсем то, что надо. Но на голодном пайке и любая дырка сгодится.

Просто интересно, что за Белка такая.

– Какие тебе нравятся?

Девушка подтягивает одну ногу на стул, обняв колено. Вторая нога спокойно поκειται в прежнем состоянии, но это спокойствие обманчиво. Она настороже. Очень настороже.

И внутри все тоже встает на дыбы.

Она настороже.

Я на чеку.

Пялим друг на друга пытливыми взглядами.

Вернее, она смотрит редко и делает вид, что вообще плевать, но даже редким взглядом оценивает... угрозу.

Сняв пиджак, я вешаю его на спинку стула. Белка чиркает взглядом по торсу, зацепившись за португую с кобурой, потом стреляет взглядом в сторону. Сглатывает. Я почти слышу, как в ее маленькой головке быстро-быстро переключаются варианты о побеге. Еще она прикидывает... Разное. Так навскидку сказать не получится. У нее лицо закрытое и щит в глазах.

– Какие тебе нравятся? – роняет.

– Что?

– Девушки.

Я застываю у холодильника, не отказался бы чего-нибудь перекусить.

– Я же сказал, ты сгодишься.

Распахиваю его и с удивлением обнаруживаю на полках какие-то контейнеры, баночки, всюду еда.

– Это что? На роту наготовлено. Ты в мой дом кого-то еще притащить хотела?! – рывкаю, захлопнув дверцу.

– Еда на неделю. Я приготовила себе сразу на всю неделю.

– Ты поселилась в моем доме. Ты ела мою еду. Ты спала на моей кровати...

– Твою еду я не ела. У тебя в морозилке только неизвестное мясо. Я готовила без мяса. Можешь легко проверить.

– Ладно, навали чего-нибудь. Разогрей. Я голоден.

Белка бросает взгляд на часы.

– Уже раннее утро.

– У меня свои биологические часы. У меня время приема пищи.

Белка и не шелохнулась.

– Ты слышала меня?

– Ага. Но на свой вопрос я так и не услышала ответ. Я спросила, какие девушки тебе нравятся.

– И я ответил: ты сгодишься.

– Этот ответ меня не устраивает! – заявляет прямо. – Спать с тобой я не намерена.

– Спать со мной тебе и не придется. Я вообще люблю спать один, когда есть такая возможность, не терплю рядом ни одной живой души. И моя кровать... Не для совместного сна или траха. Это храм моего личного индивидуального сна...

– Прости, я твой храм немного примяла, – прикусывает язычок.

– Вовремя. Слишком велик соблазн засунуть тебе в рот пару орехов для разминки перед горловым минетом.

– Без орехов останешься, – сообщает без тени улыбки.

– Будешь бесить, я скручу тебя, суну в рот распорку и буду надругаться так, как пожелаю, а ты только будешь течь слюнями, смачивая. Такая вот физиология. С открытым ртом у стоматолога сидела? Будет то же самое, но поинтереснее.

Белка застывает, едва дыша. Взгляд из настороженного становится маниакально острым, быстро-быстро очерчивает помещение в поисках выхода. Я делаю плавное движение в ее сторону.

Внимательно слежу и подмечаю малейшие изменения в ее состоянии. Она перестает дышать, ведет взглядом влево от меня, там много свободного пространства.

Припугиваю резким движением, и она срывается с места!

Наверное, она красиво бежит. Оценю позднее.

Пока же она только сталкивается с моим телом и отшатывается. Ловлю обратно, она дрожит, трепыхаясь у меня в руках.

И у меня такой азарт, сука.

Такой бешеный азарт, которого давно не испытывал, учитывая мой род занятий.

Я видел все. Я пробовал все.

Меня давно не будоражит ни адреналин, ни страх смертельной угрозы.

Азартные игры и длительные загулы пройдены.

Большие деньги, которые удалось обрести, туда же, в пекло. Это просто плюс один-два-три ноля. В итоге разница оказывается невелика, и гонка за бо́льшим оказывается гонка за пустотой.

– Я твой обманный маневр разгадал, Белка. Сбежать из этого дома получится, только отработав в постели. Добровольно. Поняла?

– Я все-таки попытаю счастья еще раз. Какие девушки тебе нравятся? И я найду подходящую шлюху, даже приведу сюда за ручку.

Упрямая.

Сделаю гибкой.

– Я уже все сказал. Теперь наложи мне поесть.

Я занимаю место за столом, с садистским удовольствием наблюдая, как Белка яростно громыхает контейнерами с едой.

Строптивая.

Станет шелковой...

Гибкой и лаской...

А ножки-то длинные, кайф... Надоели мелкие бабенки.

Эта в самый раз.

Глава 6

Ника

Микроволновка издает громкий довольный писк, я ставлю контейнер на стол. Потом, вскользь мазнув взглядом по габаритам мужчины, я добавляю на разогрев еще один лоток с едой.

– Пахнет сносно, – сообщает, открыв контейнер и приняв хавшись.

– Ты что творишь? Зачем пальцами из банки?! – ахаю, заметив, как он вынимает из банки лапшу и подхватывает крупным ртом.

– Съедобно. Поставь еще парочку таких же. Есть?

– Таких – всего два.

– Жаль. Тогда еще чего-нибудь. Мышиные порции. Или, скорее, беличьи, – улыбается до ужаса широко.

Я все думаю: как от него сбежать, что за тип такой... Непростой.

Напрашивается вывод: он связан с криминалом...

Вздыхаю: карма, что ли?

– Долго еще? – спрашивает, гипнотизируя взглядом микроволновку.

– Скоро разогреется.

Я отодвигаю в сторону контейнер, в который он запустил свои пальцы.

– Куда?

– Переложить на тарелку хочу.

– Я бы и так поел.

– С тарелки будет вкуснее.

– Еда есть еда.

– Ты все равно будешь ждать, пока все прогреется.

Я достаю столовые приборы, тарелку, соусник, складываю салфетку, ставлю бокал для воды. Дан молча наблюдает, не создавая ни одного лишнего действия, но в глазах нетерпение.

– Теперь все? – уточняет, когда пищит микроволновка.

– Нет.

– Что значит, нет?

– Когда все нагреется и будет расставлено, тогда будешь есть.

– Что за... нах... Ты у меня в доме командовать собралась?! Моими тарелками?!

– У тебя не было таких тарелок. Эти тарелки и все столовые приборы заказала я. У тебя были... приборы солдафонские!

– Ты в моем доме.

– А ты ешь из моих тарелок. Значит, они будут расставлены так, как я считаю нужным.

– В моем доме, – повторяет.

– В твоём доме.

– Так... И много ты барахла натащила в мою берлогу?

– Немного. Так, мелочи для уюта.

– Жить ты здесь планировала долго, походу, – замечает...

Я не отвечаю, занимаясь сервировкой стола и расстановкой блюд.

– Теперь все? – спрашивает нетерпеливо. – Я двадцать одну минуту жду.

– Последний штрих.

Ставлю на стол две свечи.

Дан крепко сжимает челюсти:

– Если эти свечи воняют...

– Они не ароматические, просто для атмосферы.

Выключая верхний свет, пространство кухни сжимается, становится уютнее.

– Приятного аппетита.

– И все это ради того, чтобы я просто, мать твою, поел! – резко двигает к себе тарелку и начинает сметать.

Лопает все, как комбайн. Я могла бы и не стараться с сервировкой, но когда руки заняты и делают все, как привычно, цепляясь за ритуалы, начинает казаться, что все в норме, все под моим контролем.

Это иллюзия.

Но иногда за иллюзии хочется спрятаться и утешить себя хотя бы ими.

Подливаю в бокал Дана воды, потом добавляю себе. Мужчина обводит взглядом сервированный стол, на несколько секунд задерживает взгляд на том, как легко танцует пламя свечи, и начинает есть.

Молча.

Напряжение немного снижает градус. Я по ночам не ем, просто отпиваю воды понемногу. Стараюсь не думать ни о чем. Иногда думать – это самое страшное. Я всегда начинаю накручивать себя и готова к худшему варианту. Поэтому не думать для меня – спасение. Пытаюсь изо всех сил, но кажется, я соткана из тревоги, и она сочится из каждой моей поры.

– Из какого дворца сбежала? – прозвучал вопрос.

Вопрос Дана застал меня врасплох, глоток воды застрял в глотке. Заставляю себя протолкнуть его спокойно.

– Ты мне льстишь. Я просто работала на кухне и сервировке.

* * *

– Приготовишь завтра еще вот этих... коричневых макарон и овощи в слизи... – комментирует завершение ужина.

– Это гречневая лапша и рагу из овощей с баклажанами. На завтра у меня другие блюда были запланированы. Вернее, уже приготовлено.

– Готовишь сносно. Будешь кухаркой, пока я тут живу, считай, треть долга отработала.

Прекрасно, я ему еще и должна!

Он прикрывает рот кулаком, пряча зевок.

– Предпочитаю вести разговоры о деньгах, долгах и цифрах на свежую голову. Обсудим завтра!

– Обсудим, – соглашается. – На сегодня достаточно. Попытки сбежать будут наказуемы. Выбирай любую из комнат.

– Я уже выбрала.

– Кроме моей.

Жаль. Там самая классная кровать. Но я могу и на диване в гостиной поспать. У большого камина. Тоже неплохо.

Валюсь с ног от усталости, но надо вымыть посуду.

Потянувшись за очередной тарелкой, понимаю, что Дан вышел.

Тихо и незаметно для меня.

* * *

Я выбрала гостиную. Оттуда проще всего до выхода добраться, плюс один в копилку иллюзий.

Едва я устроилась на диване под пледом, в комнате появляется хозяин Дома. На этот раз уже не в костюме и без португепи с кобурой. Но даже в простой майке и трусах он смотрелся впечатляюще. Пожалуй, еще более грозно. Я предпочитаю сползти по подушке вниз и накрыться пледом с головой, чтобы не смотреть на эту гору мышц.

Это же машина для убийства, и точка.

Дан прошелся по комнате молча, удалился, едва взглянув на меня.

Я думала, что не засну ни за что. Буду придумывать план побега, продумывать его до мелочей, но сладко уснула даже на мысленном этапе сборки рюкзака...

* * *

Впервые за долгое время снится приятное.

Снится море, отпуск на берегу Красного моря.

Сажу у самой кромки. Тут мелко. Ступни погружены в воду. Волн нет, полный штиль... Зажмуриваюсь от солнца и от приятных теплых волн. Море как будто поднимается, жарко ползет вверх по ногам, от щиколоток до колен. Волны раскачиваются, становятся ритмичными, влага уже на уровне бедер... Жарко. Приятно. Омывает ритмично. Я немного развожу бедра, позволяя воде спокойно струиться по телу.

Это прилив? Не думала, что они такие бывают, а потом...

...вдруг раздаётся попискивание, и я резко распахиваю глаза.

Пищит браслет на моей руке, а жар все не спадает. Напротив.

Мне слишком жарко между ног, и волны все интенсивнее становятся.

Я вскидываюсь всем телом в полной темноте.

На мою грудь давит горячая ладонь, опрокидывает меня обратно.

Захлебываюсь вскриком, закончившимся странным звуком, вырвавшимся из моего рта.

– Для фригидной ты слишком мокрая от лайтового петтинга... – хрипло выдыхает на ухо мужской голос.

И...

Снова эти ужасно-горячие ощущения между ног.

Ритмичные и теперь более быстрые, жаркие, требовательные.

До меня доходит. Боже!

Я втиснута между спинкой дивана и массивным, горячим телом мужчины, его пальцы движутся у меня между ног, вызывая слишком интенсивный жар и дрожь всего тела.

Пульс зашкаливает.

Сердце заходится в страшной тахикардии, и я начинаю задыхаться.

Браслет захлебывается предупреждающим писком.

– Мне плохо. Мое сердце. Я сейчас умру! Отпусти... Я умру... Мне нельзя... – хныкаю, безрезультатно дергаюсь.

Меня слишком плотно держат.

– Я умру...

– Ты скоро кончишь...

Пальцы ползут ниже, настойчиво массируют по кругу, втискиваются. Там, где еще ни разу...

– Узкая, пиздец... Разожми немного... – хрипло шипит мне на ухо.

– Нет, я умру! Умру! – кричу уже с паникой.
Такого треша с моим телом еще ни разу не происходило...
Перед глазами чернильным кляксами расплзается темнота.
Жаркая, пульсирующая и жадная темнота...

Глава 7

Ника

Давление на грудь, горячий воздух врывается в легкие.

Чужое дыхание у меня во рту.

Чужой рот накрыл мой.

Дергаюсь в сторону, не отпускает.

– Тихо-тихо. Лежи, дурная, – спокойно произносит мне в самые губы этот ужасный тип. Дан?

Отпихиваю его ладонями, движения рук вялые.

Зрение рассредоточено. Но то, что мои трусики стянуты вниз, до самых колен – это факт.

Всхлипнув, натягиваю их на себя.

Места мало. Бугай лежит рядом. Гора мышц за мной с интересом наблюдает, и я даже думать не хочу, от чего так сильно топорщатся его трусы.

Эго раздутое!

Как только трусы оказываются на мне, испытываю больше уверенности в себе. Я слишком сильно боюсь, что меня застанут врасплох, и он словно нарочно... Нет, откуда же ему знать? Просто напугал.

Любая бы на моем месте испугалась.

Тем более, девушка в моей ситуации.

А он – кретин!

Провожу пальцем по браслету, данные еще не обновились.

Но то, что пульс зашкаливает – факт.

Мне нужно успокоиться. Нет, я уже спокойна.

Я уже спокойна, повторяю, как мантру.

Я спокойна...

Подбородок дрожит.

Стискиваю челюсти, зубы начинают стучать.

– Успокойся, Белка.

Да уж успокоишься, когда тут на мою жизнь покушаются!

Тру грудную клетку, под ребрами никак не перестанет бешено долбиться сердце.

Рвется на лоскутки, и я еще тщательнее всматриваюсь в браслет. Там мигают цифры, мигают и разгоняются.

– Я точно умру...

Внезапно экран браслета накрывает мужская рука.

– Уйди. Мне надо смотреть. Отслеживать. Я из-за тебя едва не умерла!

– От оргазмов еще никто не умирал, – заявляет авторитетно. – На моем веку – точно.

– А ты, что, подрабатываешь счетоводом у смерти?

Какой у меня сейчас пульс? Какой? Точно запредельный!

Пытаюсь отнять руку Дана, она словно приклеенная, и он... тоже.

Приклеился к моему дивану.

– Слезь с моего дивана! – требую.

– С *твоего* дивана?

– То есть, со своего дивана, конечно! Но я на нем временно лежу. Мое временное личное пространство. Ты нарушаешь границы моего пространства!

– Этот дом – мой дом. Так что границы твоего микромира входят в мои, и я не размечаю границы внутри своего, – выдает замысловато.

Я ищу смысл, и он мне не нравится.

Его слова означают лишь то, что он будет вторгаться снова и снова.

При слове вторгаться между ног отзывается странным жаром и новым приливом пульсаций.

Приснилось морюшко... Теперь я буду ненавидеть море, а так нравилось на него медитировать!

– Хорошо. Уйди, пожалуйста, со своего дивана, на котором лежу я...

Пытаюсь выкрутиться, встать.

Мои движения – трепыхания на пустом месте.

Гигант лениво согнул ногу в колене и накрыл мои бедра, туго спеленал рукой, так что мои руки оказались вытянутыми вдоль тела.

И это все так быстро.

Ладно, нога. Его нога весит целую тонну!

А руки? Дан просто прошелся пальцами, нажал, и мои руки безвольно опустились плетью, он и спеленал меня, тепленькую.

Обездвижил меня, словно мумию.

Даже дышать трудно. Дышать трудно.

Жарко.

Волнительно.

Мне в бедро уткнулась горячая длинная скалка.

Толстая скалка...

Не опадает.

Попытка шевельнуться приводит к еще более тесному сжатию.

Не вдохнуть-не выдохнуть.

– Расслабься!

– Не могу... Ффф... Ффффхххх!

– Ты что делаешь? Суевливая белка.

– Волосы на лице. Не могу когда мешают. Не могу!

Легкий жест.

Я было обрадовалась, что его рука меня не держит, но он быстро убрал мешающую прядь и снова обхватил меня.

– Ты мешаешь мне оценить ситуацию со здоровьем.

– Твоему здоровью ничего не грозит! – заявляет уверенно. – Прикидываешься сердечницей.

– Я не прикидываюсь! – ахаю возмущенно. – У меня...

– Помолчи и сразу успокоишься. Заклеить тебе рот, чтобы продемонстрировать, как это работает?

Заклеит. Или еще чего похоже.

Как он говорил, распорка, да?

Снова начинает колотить от тревоги.

Мне удавалось справиться со страхом, но Дан коварно выбил почву из-под ног, и я никак не могу обрести точку опоры.

Я дрожу.

Даже жар чужого тела не спасает.

Кожа покрывается мурашками.

Мне холодно.

– Сколько пуговиц на твоей пижаме?

– Что?

– Сколько. Пуговиц. На. Твоей. Пижама? – вспышками через плотную пелену пробивается голос Дана.

– Я не знаю. Я не считала.

– Знаешь. Много раз считала. Посчитай прямо сейчас.

– У меня руки. Отпусти мои руки...

– Посчитай мысленно. Закрой глаза. Ты надеваешь пижаму. Как обычно. В привычной обстановке. Мягкий свет. Благовония. Музыка? Все, как всегда. Ты надеваешь пижаму. Застегиваешь. Под пальцами пуговицы. Какие они? Сколько их?

Картинка становится яснее. Пытаюсь зацепиться.

– Пуговицы выскальзывают из-под пальцев.

Так всегда.

– Каждая пуговка обтянута атласом, и... они скользкие.

– Как они расположены? Вбок? Сверху-вниз?

– Глупо. Сверху-вниз, конечно. Обычный ряд пуговиц...

– Я их не знаю. Какие они?

По мере того, как приходится описывать обычные и привычные, но такие, оказывается, интересные пуговицы, волнение отступает.

Незаметно, по капле...

Дыхание выравнивается, в грудной клетке не колет, и я теперь точно знаю, что пуговиц – семь.

– Семь? Теперь сосчитай.

Дан убирает руку, я медленно веду по пижаме.

– Шесть?! Как...

– Значит, одну застегиваешь дважды.

Возразить не удастся. Точно.

Одна пуговица всегда выскальзывает, получается шесть плюс один.

Моя рука поднимается вверх, Дан перехватывает запястье, расстегивает браслет.

Забирает его у меня!

– Отдай Отдай... Отдай! – зарычала, бросившись на него с кулаками.

Буквально запрыгнула на его бедра сверху.

Браслет помаячил перед моим носом и ускользнул в сторону. Я только успеваю проследить за его хвостиком, как он оказывается где-то под тушей этого бугая!

Дан играючи обхватывает мои запястья и удерживает на месте, забавляясь, как я бешусь от бессилья и попыток сделать хоть что-то!

– Резвая Белка. Хорошо скачешь. Давай сразу сюда... – подбрасывает бедра вверх.

Посылает мне прямоком в промежность горячий и твердый привет.

Я замираю, чувствуя, как мой пульс скатывается туда, и подо мной тоже бурлит, пульсирует его возбужденная машина.

Глава 8

Ника

Тело замирает, но пульсации не прекращаются, напротив, усиливаются. Подо мной будто вулкан, и я на самом его жерле.

Дан медленно двигает бедрами, подбрасывая меня немного вверх и опуская. Бедра совершают волнообразные движения. Мои пальцы беспомощно хватаются за воздух и находят опору в виде майки мужчины. Скребаю ее в кулак, ерзяя, сверху, пытаюсь избавить.

– Ауф, какая ты бойкая штучка... – едва слышно смеется, рассыпая искорки льдистого смеха по моей коже, миготом покрывшейся потом.

Сердце не бьется, оно с надрывом стучит в кокон воспаленного жара, который сжимается все туже вокруг меня.

Над верхней губой повисли капельки пота.

Сумасшедшие эмоции бьют между ног. Пульс зашкаливает.

Трение рождает глубинные вибрации и вихрь, которому нет названия.

Мурашки врассыпную разбегаются по телу. Я чувствую их даже на кончиках пальцев ног, а потом они снова сбегаятся к центру, сосредотачиваясь в точке соприкосновения тел.

В легких не хватает кислорода. Я не пьяная, но как будто хлебнула неразбавленный абсент, от которого все горит.

Во рту сухость, глотку дерет.

Дыхание вырывается сиплым.

– Отпусти!

– Признай, что соврала о фригидности.

– Но я фригидная. Я...

– Твои мокрые трусики и мощный оргазм говорят о другом. Фригидность – оправдание, придуманное мужиком, который не смог.

Стены комнаты резко подскакивают вверх, потом стремительно летят вниз, и я зажмуриваюсь, не понимая, что происходит.

Горячее дыхание касается моего лица. Бедра и попу стискивает большая ладонь, пальцы поглаживают мои ягодицы, сминают властно.

Жар большого тела втискивает меня в диван все увереннее и напористее.

В низ живота толкается... Это...

Снова мягко и напористо уверенно таранит меня.

– Открой глаза. Трусишка... – хмыкает Осло.

Давления становится немного меньше. Он нависает сверху. Я с осторожностью смотрю на него, быстро зажмурившись обратно. В голове болтанка и путаница из мыслей.

– Расслабься.

Онемевшие запястья ноют. Я растираю их пальцами по очереди, прислушиваясь к ощущениям.

– От оргазма ты точно не умрешь, даже если у тебя проблемы с сердцем, что, в целом, сначала еще подтвердить нужно. Учащенное дыхание и сердцебиение – лишь часть общей картины возбуждения. Это нормально. Пик перед оргазмом и потом нырок. Как прыжок с высоты, – выдает умную фразу и немного меняет положение тела.

Теперь уже не нависает сверху, снова ложится сбоку, но продолжает меня волновать и беспокоить близостью своего мощного, разгоряченного тела. И эти бедра... Он опять фиксирует меня ими и пошло трется об меня крепкой эрекцией.

– Секс – это естественное болеутоляющее. Он вызывает выброс эндорфинов, которые уменьшают боль и стресс. Тебе просто необходимо хорошенько потрахаться!

– Мне не больно. И стресс у меня только от тебя!

Я толкаю здоровяка ладонью в грудь, чтобы он слетел с дивана на пол, но ничего не происходит. Он словно врос в него. Зато мою ладонь перехватывает ловко и... засовывает мне в трусы.

– Собери свою влагу.

– У меня нет влаги! – протестую.

– Соврешь – буду наказывать, – сообщает ледяным тоном.

Мои пальцы утопают в вязком секрете, настойчивое давление руки и пальцев Дана не позволяет игнорировать изменения, происходящие с моим телом. Я в шоке, что у меня между ног так липко и скользко.

– Я грязная. Боже, мне нужно помыться.

– Ты возбужденная, Белка, – нажимает моими пальцами и трет. – Ужасно мокрая.

Голос Дана сбивается от частого дыхания.

Пальцы ведут ниже, он собирает ими мою влагу и вынимает из моего белья. В то же время делает быстрое движение и стягивает свои трусы вниз.

– Сожми пальцы крепко... – командует, обернув кулак вокруг моей ладони.

Расстояния между мной и мужским органом больше нет.

Он у меня в ладони. В кулаке. Под пальцами.

– Ааааа...

Ощущения невероятные.

Покалывание и мурашки сменяют друг друга.

Глаза жжет перцем.

Пульсирующая горячая сталь на ощупь кажется нежной, бархатной.

Но под тонкой оболочкой он тверже гранита. Чувство непередаваемое.

Боязность и любопытство борются друг с другом.

– Делай! – приказывает.

Сжатия пальцев и движения вверх-вниз в быстром, отрывистом темпе.

Показывает, как ему нравится.

Сердце снова спотыкается в груди, словно замерло у самого края обрыва.

Я боюсь посмотреть мужчине в лицо, но когда осмеливаюсь быстро взглянуть, замираю. Брови нахмурены, сведены к переносице, губы чуть-чуть приоткрыты. Там зов белоснежных зубов и влажного языка, медленно скользящего по контуру изнутри.

Интерес.

Я протягиваю свой взгляд чуть-чуть выше.

Его сумрачные глаза неотрывно наблюдают за мной, и там проносятся вспышки ослепительных молний.

Низ живота наливается свинцом. Темнота комнаты вокруг кажется живым и теплым существом.

Чернота порока пугающая и зовущая.

Почти такая же зовущая, как собственный ритм пульса. У моего тела их будто стало два – тот, что запущен слабым сердцем, и тот, что горит костром между ног.

Эти две волны играют со мной в злую шутку: кто перетянет, а пальцы движутся, движутся, насильно направляемые уверенной мужской рукой.

Глава 9

Осло

Пальцы девчонки скользят по члену неумело.

В ней нет уверенности и последовательности, то пережимает у самой головки, то у корня едва держит, торопится разжать.

На личике выражения сменяются одно другим – от шока и безразличия, до любопытства и искреннего, смешного проявления «зажмурюсь-ка я покрепче».

– Подстраивайся!

– У меня сейчас пальцы отвалятся.

– Уже, что ли? Смотри...

– У-у, – отрицательно качает головой из стороны в сторону, упрямится, словно капризный ребенок.

Но сама же... едва заметно хитро приподнимает реснички и замирает, тихо ахнув.

Я двигаю кулаком медленнее, амплитуда длинная, рывки неспешные, чтобы оценила размах и поняла, как надо.

– О черт... – теперь уже в открытую пялится.

– Никогда не видела, что ли?

– Видела, – вспыхивает. – Но...

– Но?

Разживаю свои пальцы, поглаживая ее руку, снова накрываю ладонью. Теперь она движет рукой иначе, намного лучше.

Да, способная. Ммм... Мне нравится ее руки – запястья тонкие, но сильные, едва заметная россыпь веснушек на бледной коже, как отпечатавшиеся замысловатые созвездия.

– Ты большой.

Ее дыхание становится частым. Я немного ослабляю контроль.

Сбавляю давление, позволяю ей самой подвигать пальцами.

И жду...

Не перестает.

Смотрит, как головка поблескивает выделившейся смазкой, не отрываясь, наблюдает, и прихватывает языком слюнку, побежавшие на губы.

Меня подбрасывает вверх от этой картинке. Бедра охвачены спазмом и жадой движения.

– Быстрее. Я хочу кончить. Жестче двигай...

– Тебе не больно?

Какого-то хрена отпустив член, она ныряет ладошкой под трусы и поглаживает мошонку, взвешивая на ладони яйца.

– Боже, какой ты нежный, мягкий... – шепчет так, словно ведет по коже кусочком бархата. – И горячий...

Пальчики медленно ведут обратно. Подушечки пальцев очерчивают рельеф вен.

Сладкая пытка, будто по члену струится жидкое, немного разогретое масло.

В голове проносятся десятки вариантов...

– И твердый. Очень твердый... – выдыхает со стоном, сжав свои узкие бедра.

Ее пальцы снова пытаются взять член в кольцо, обхватив его плотно.

Даа... Вошла во вкус, играет со штурвалом, пробуя двигать смело и отрывисто.

Пустить бы в ход ее язычок, в ротик спермы налить столько, чтобы лизала ее потеки, подбирая пальчиками полупрозрачные капли с подбородка.

И я бы ей обязательно вставил хорошенько. Другую девку уже бы нагнул к члену, и она охотно взяла бы в рот, отрабатывая крышесносный оргазм в надежде получить его снова.

Но Белка...

Что-то в ней настораживает.

И эти ремарки, будто члена впервые касается.

Вглядываюсь в черты ее лица, белеющего в сумраке. Глаза полуприкрыты, ресницы трепещут, рот приоткрыт. Она часто дышит и сама не осознает, как прижимается теснее, льнет, трется об меня грудью с острыми сосками. Аккуратные сиськи, заборные апельсинки.

Ее бедра дрожат серией спазмов.

Немного раскрываются, и я запускаю между ними руку.

Трусики мокрые.

Она задыхается, уже на пороге. На самом плато... Ее удовольствие может ровно схлынуть, так и не закончившись оргазмом, но может и рвануть.

Тяну влажную ткань в сторону. Нежность ее кожи запредельная. Удлиненная форма ее киски по форме напоминает каллы, из сердцевины щедро тянется дорожка сока.

– Нет-нет... – словно просыпается, когда два пальца туго вонзаются в сердцевину, разминая ритмично.

Несколько рывков заставляют ее изменить свое мнение. Белку размывает так, что она утыкается лицом в мою майку и громко стонет. Рот раскрыт, от ее дыхания и раскатанных губ становится жарко.

– Быстрее. Давай же...

– Я... Мне... Точно... Аааа...

Последний толчок.

Киска пульсирует и расширяется, сжимается и приоткрывается ритмично.

Готов поклясться, она выпрашивает мой член.

Меня обильно выплескивает поверх ее сжатых пальцев.

Густые толчки спермы. Молочные пятна слепоты пульсируют перед глазами. Белка закатывает глаза от удовольствия, продолжая мягко двигать бедрами навстречу моим пальцам, ловит еще одну сладкую волну.

Ненасытная.

И... кажется, целочка.

– Трахалась раньше? Нет?

Да ладно.

Глаза блестят, взгляд размытый, взмахи ресниц плавные. Блеск глаз становится запредельно острым... Она всхлипывает и начинает... плакать.

Это что еще за хрень такая?

Я мог ей между ног воткнуться, но придержал немного норов оголодавшего по ласке члена, чтобы она немного привыкла и не слишком сильно пугалась.

К чему слезы?

Оргазм у нее был. Такой взрыв ни с чем не спутаешь!

Тело лижет всполохами оргазма, кайф протягивается по коже обещанием последующих развлечений. Это только лайтовая разминка, все равно, что понюхать блюдо перед тем, как его съесть.

Сейчас бы помолчать, просто смакуя острые мгновения, но тут...

Слезы.

– Ты не умираешь. Твое сердце не лопнет. Или что ты там еще выдумала, – говорю с небольшим раздражением.

– Уууу... – всхлипывает Белка и... запускает руку под нижний край майки.

Ого... Кто-то вошел во вкус.

Кажется, у нас продолжение, Осло.

Приподнявшись, я снимаю майку, чувствуя, как член вкусно наливается тяжестью.

– Спасибо... – выдавливает из себя Белка.

Она садится на диване, мгновенно натянув трусики, и забирает майку, небрежно брошенную рядом.

Прижимает майку к лицу.

Нюхает, как я пахну?

Ее повадки будоражат. Колко стреляет пьянящим предвкушением в затылок.

Но потом...

Девчонка шумно высмаркивается, вытирает слезы и... возвращает мне майку.

– Спасибо. А теперь верни мне браслет.

Глава 10

Ника

Дан сверлит меня тяжелым, немигающим взглядом.

Пальцы мертвым хватом вцепились в майку...

В воздухе закипает странное напряжение и, я заметив ремешок браслета, хватаю его с дивана и убегаю в ванную комнату.

По-хорошему, надо бы взять чистое белье, но это означает, что нужно вернуться в спальню Дана или к рюкзаку. Что, в принципе, тоже означает пройти мимо здоровяка.

Пройти мимо него или оказаться на его священной и неприкасаемой территории.

Нет-нет, спасибо!

Уф...

Эмоции стихают.

Вместе с ними силы покидают тело. Я устало падаю на пуф, вслепую закрепляю браслет на запястье.

Циферблат выдает, что у меня все еще зашкаливает пульс.

В голове крутятся слова Дана об оргазме, пульсе и еще много о чем...

Все вперемешку.

Телу жарко и... хорошо.

Так хорошо не было еще ни разу.

Я прижимаюсь лопатками к стене, закрываю глаза. Под ними выплывают солнечные зайчики, на губах расплывается улыбка.

Надо принять теплый душ, умыться, двигаться совсем не хочется.

Мое сладкое уединение прерывает грубый стук кулака по двери.

– Выстирай то, что запахла! – требует Дан.

– Ты о чем?

Бух!

Еще один удар кулака сотрясает дверь.

– Сама знаешь. Я завершаю обход. Через час снова пойду, и ты должна к тому времени закончить, спать и сопеть в свои маленькие... сопливые... ноздри! Увижу, что притворяешься или почую, что замыслишь побег... пожалеешь!

Бух!

Отходит.

О боже.

Удовольствия как не бывало.

И что я еще ему стирать должна?

Майку, что ли?

Псих... Жалко ему. Нельзя с забитым носом ходить.

Подождав, пока шаги здоровяка смолкнут в отдалении, я осторожно открываю дверь, забрав скомканную майку.

Недолго думая, швыряю ее в стиральную машинку к своим вещам, включая быструю стирку, двойную сушку и отправляюсь под душ, проводя там довольно много времени.

Потом быстро достаю вещи из машинки...

Странно, но куда-то пропала майка мужчины.

Была же здесь, белая такая.

Развешиваю все свои вещи на сушилке и потом перевожу взгляд на какой-то комок с цветными пятнами, оставшийся на дне.

– Это что такое?

Разворачиваю и... тут же комкаю обратно.

– О нет. О нет...

И что же могло покрасить майку Дана в этот мимимишный розовый цвет. Мой пеньюар? Но он же не побледнел ни на тон! Как так вышло! Понятия не имею.

– Может быть, не заметит? – подбадриваю себя. – Чай, не последняя майка.

Быстро завешиваю майку в самый дальний угол сушилки, замаскировав другими вещами и, завернувшись в большое банное полотенце, крадусь обратно, к дивану. Там же нахожу рюкзак, вытягиваю из него трусики и футболку. Размотав полотенце, быстро встаю, натягивая трусики.

Спину обжигает взглядом.

Вроде никого.

Откуда такое ощущение пристального наблюдения?

Почудилось, наверное...

Быстро юркаю под одеяло в надежде заснуть...

* * *

Свое утро я всегда начинаю с легкой разминки, мягкой растяжки и медитации. Появление полярного здоровяка не повод изменять своим привычкам. Плюс я испытываю потребность успокоиться, потому что произошедшее вчера ночью не дает мне покоя. Всю ночь чертовщина снилась, а как спину жгло, будто этот странный тип меня во сне взглядом сверлил... Кто знает, может быть, так и было. Ведь он точно ходил ночью по дому, его шаги я слышала сквозь сон – размеренные шлепки босых ступней по паркету. Уверена, что он мог передвигаться бесшумно, но шлепал нарочно.

Может быть, хотел меня словить на чем-то? Но я усердно лежала лицом к спинке дивана и делала вид, что спала глубоко. На деле же я просыпалась всякий раз, когда этот ужасный мужчина появлялся в комнате.

То есть несколько раз за ночь!

Измучил он меня капитально.

Не ночь, а сплошная мука.

Поэтому как никогда важно восстановить душевное равновесие, обрести баланс, продышаться.

Музыку для медитации ставлю едва слышно, после разминки вхожу в позу собаки и... понимаю, что нахожусь в комнате не одна.

Более того, неизвестно, сколько это длится, и...

– Хорошо гнешься!

Горячие ладони опускаются на мой зад, похлопывают его по-хозяйски.

Я выпрямляюсь значительно медленнее, чем диктует мое возмущение вторжением в личное пространство.

Просто не хочу показывать говнюку, как сильно взволнована его прикосновениями.

Сразу же вспоминается, как он меня ласкал, как трогал, и как трогала его я... Боже, конечно, он меня вынудил. Фу.

Сама бы я ни за что. Ни при каких условиях.

И вообще, может, это были не оргазмы, а кое-что другое...

Страхнув руку Дана, выпрямляюсь.

У него сна ни в одном глазу, лицо решительное.

Впрочем, это выражение сердитой лопаты у Дана, кажется, топовое и просто привычное. И взгляд: не влезай-убьет-злая-собака.

– Чего тебе?

– Завтрак.

Дан подносит к моему носу собственное запястье с невероятно крутыми часами.

– Через двадцать минут я хочу видеть на своем столе завтрак. Сытный, плотный, полезный завтрак. Сегодня позволяю немного опоздать. Завтра, чтобы ни секунды опоздания. Поняла?

Отходит.

Линия плеч, посадка головы, снежный затылок.

Уверена, он доволен собой!

– А больше... ничего не хочешь? – сердито бросаю в его спину.

– И еще ты будешь носить вот это!

Развернувшись, он растягивает в руках нечто.

Покрывшись пятнами стыда, почти такими же пятнами, как майка, которую Дан держит в руках, узнаю вчерашний предмет нижнего белья мужчины.

Я надеялась, что пятна побледнеют.

Но они не побледнели.

Еще майка высохла и... села в размере.

– Снимай свои шмотки, будешь ходить в этом! – требует.

Как неудобно с майкой вышла. наверное, она не из синтетики, иначе почему бы так села?

Я ведь совсем не хотела ничего портить. Просто не подумала.

Но извиняться не буду.

– Я не хочу.

– Придется, – скрипит зубами. – Испортила, носи! – швыряет в лицо. – Это твое наказание. Первое из...

– Первое?!

– Первое, – растягивает губы в ухмылке.

Глава 11

Ника

Вот сволочь!

Я с негодованием смотрю на мужчину. Он медленно обводит меня собственническим взглядом с головы до ног и обратно.

Дан неспешно складывает руки под грудью и кивает.

– Переодевайся. В майку.

Лучше бы я с мокрой голой задницей по морозу шла до города!

Дан смотрит на меня, я смотрю на него. Между нашими взглядами вспыхивают искры и отлетают во все стороны с шипением пламени, которое наткнулось на ледяную стену.

Я киплю. Он спокоен.

Я бешусь. Он наблюдает.

– Переодеться в майку? – голос низко вибрирует от негодования.

– Да.

– Подавись!

Я быстро стягиваю с себя спортивный топ. Кожу груди покусывает вальяжным мужским взглядом с интересом.

Быстро надеваю майку. Она сильно под села, но все равно велика мне.

В прорезях по бокам виднеется моя грудь, майка болтается на бедрах, едва прикрывая попу.

– Доволен?

– Нет.

– Что?

– Все снимай.

– Не буду! – яростно плюю в его сторону.

Реально плюнула, даже нижняя губа стала мокрой от капельки вылетевшей слюны.

– По доброй воле я трусы свои для тебя снимать не стану. Хочешь, чтобы я ходила по твоему дому с голой жопой?! Более ужасного унижения придумать не мог?! – кричу.

– Я могу тоже пойти на унижение и буду ходить без трусов.

Его глаза странно сверкают.

– Не понимаю! Это, что, шутка? Шутка, чтобы я трусы сняла? Или шутка, что ты без трусов будешь ходить!

– Я не шучу.

Он запускает пальцы под резинку просторных брюк и немного оттягивает ее вниз вместе с резинкой трусов, демонстрируя твердый, раскаченный пресс. Я все еще помню, какой он гладкий, горячий, словно камень.

И слишком хорошо помню, как держалась за член и дровича ему, как гладила яйца.

Боже, стыдоба какая!

– Не надо ходить передо мной и мотылять своим...

– Своим? – подталкивает.

– Ху... Худым концом.

– Худой конец, значит.

Кажется, я делаю только хуже.

Запоздало понимаю, что мое сопротивление может разжигать аппетит у этого мужчины.

Жаль, понимаю это слишком поздно: он уже завелся.

– В общем, я добровольно унижаться не стану. Хочешь видеть меня без трусов, придется тебя снять их с меня насильно. Ведь на хорошее ты точно не способен! Принудитель!

Высказав все, что думаю о его методах, задираю подбородок повыше.

Должно же стать ему хотя бы немного совестно после моих слов.

Дан застывает.

Подействовало, значит.

Однако моя радость тотчас же сменяется легкой паникой, которая нарастает и нарастает по мере того, как Дан приближается ко мне.

Медленно, не неотвратно!

Это смотрится жутковато – как он делает шаги, сверлит меня пристальным взглядом, не сводя его с моего рта.

Губы пересыхают, я смачиваю их автоматически языком и сглатываю.

Все во мне, буквально каждая клеточка тела кричит: беги!

Но ноги словно вросли в пол.

Сдвинуться с места не могу. Сердце колотится в горле.

Дан оказывается близко. Очень близко.

Еще один шаг.

Я едва слышно всхлипываю, но продолжаю держаться... чудом!

Его тело касается моей груди. Взгляд находится на уровне мощного острого кадыка.

У него спокойное, едва слышное, но безумно горячее дыхание, которое ложится жаркими выдохами на мою макушку.

– Ты...

На плечи опускаются его ладони.

– Маленькая дикая Белка.

Дан наклоняется и выдыхает на ухо.

– Но кончать тебе нравится. Очень... Сегодня повторим.

– Нет... – шепчу.

– Повторим и продолжим. Понравилось, как разминаешь орехи. С восторгом. Может, с таким же восторгом мне их полижешь? Подскажу пару фокусов. Применишь...

Я и просто никому лизать не умею и во рту такое держать – тоже. Какие фокусы, дядя? С ума сошел!

– Не стоит.

– Здесь я решаю.

Пальцы скользят немного ниже. С удивлением отмечаю, что Дан садится у моих ног, присев на корточки, скользит ладонями всюду и с удовольствием гладит мои ноги.

Потом тянет вниз шортики и просовывает палец под резинку трусиков.

– Сделаю тебя мокрой, сама снять захочешь...

– Я не закончила тренировку! – цепляюсь за резинку трусов.

Это так глупо, ведь он поглаживает меня снизу, просто сдвинув трусы в сторону.

– Главное, чтобы кончила хорошенько!

Через миг он легонько ударяет меня по ногам, под коленкой. Но так, что ноги подгибаются, и я чуть не грохнулась.

Упала прямиком в его расставленные руки.

Дан быстро меняет позу, садится сам и быстро стягивает с меня трусы, швырнув их в сторону.

– Ай-яй. Ты...

Мои ноги широко расставлены, а оголенная промежность касается хлопковых мужских брюк, которые выдаются вперед мощным бугром.

И на этой горе он меня деловито размещает, качнув бедрами.

– Хватит!

Новый толчок разжигает во мне противоречивые эмоции. Домогательства слишком наглые, но не пугающие.

То есть, я опасаясь, но не умираю от страха.

Насторожена, но не перепугана до смерти.

Взбудоражена и...

– Возбужденная Белочка... – мужские пальцы стискивают грудь, пальцы мнут отозвавшиеся соски. – Всю ночь на твой зад пялился.

– На мой зад?

– Ты светила им из-под одеяла!

– Не может этого быть.

Дан цепляет зубами мое ухо, теребит его языком, проходясь по сверхчувствительным точкам:

– Пару раз словил соблазн пристроиться...

– Не надо, – выдыхаю изменившимся голосом.

Оставив одну руку сминать мои груди по очереди, пальцы второй руки Дан коварно опускает на мой лобок и дотрагивается до клитора.

– Небольшой аванс удовольствия. Попробуем зайти со стороны поощрения. Будешь умницей?

Глава 12

Ника

– Прекрати! – зажимаюсь.

Совладать с громилой нет никакой возможности, но вдруг есть возможность, что он... прислушается?!

– Плохая идея.

– Очень плохая?

Пальцы Дана неспешно ласкают меня между ног.

– Подними руки, – командует он. – Или подними майку так, чтобы я их видел. Видел твои сиськи.

– Ты сам приказал надеть эту майку.

– Ты надела. Я оценил твое послушание.

Придвинувшись, он обхватывает мой подбородок, куснув его.

– Белочка поддается дрессировке. Как не поощрить такую умницу с мокрой, возбужденной щелочкой?

– Я не... Не... Мокрая.

– Раскрой глаза и посмотри, какой беспредел ты устроила на моих светлых брюках. Посмотри!

Власти в его голосе сложно сопротивляться. Ко всему прочему, внутри меня живет противоречивое желание доказать Дану, что он не прав.

Он не прав: я не мокрая, я не возбужденная.

Секс – это отвратительно, и никто меня в этом не переубедит.

Но когда под нажимом пальцев Дана, немного опустивших мое лицо вниз, я распахиваю на миг глаза, то вижу темную дорожку влаги на песчаных льняных брюках мужчины.

– Твои следы. Твои мокрые, скользкие следы, Белка.

– Наверное, я чуть-чуть описалась, – возражаю глупо и лицо горит еще сильнее от стыда.

– Твое упрямство достойно того, чтобы им занялись хорошенько. Плотно.

Его губы касаются моего уха, а руки скользят вверх по голым бедрам, слегка дергая меня за майку.

– Ты привлекала мое внимание. Как ни что другое в последнее время.

– И что это значит?

– Не отпускаю, пока не получу все.

– Все?

– Все, что хочу.

– И что же это?

Дан улыбается жутко. Это больше похоже на кровожадный оскал зверя, который решил, что будет осаждать свою добычу. Но после его ухмылки у меня между ног становится влажно и жарко.

– Каждый твой сантиметр, – хрипло шепчет он. – Каждый сантиметр твоего тела будет дрожать от наслаждения.

Твердые мужские губы касаются моего уха, я с трудом заставляю себя сдерживать стон.

Мы так близко. Я чувствую его запах. Он пахнет свежо и пряно, мощно и в то же время тонко. Будоражит обоняние мускусными нотками разгоряченной кожи. Его аромат дразнит

меня, от его грубой силы и уверенности которую Дан излучает, покалывает все тело. И голова... Она кружится, будто наполнена сладким ядовитым дурманом.

– А если я откажусь?

– Это ничего не изменит.

Он сообщает это спокойным, уверенным голосом, и мы оба знаем, понимаем, что будет именно так.

Есть в нем какая-то уверенность и несокрушимость. Его слово – камень. Его слово – действие.

– У меня все болит. Болит после вчерашнего, – решаю еще немного схитрить.

– Тело болит?

Его большие ладони прогуливаются по всему моему телу. Он гладит спину, талию, спускается к заднице, сжимая ее, потом скользит ладонями вверх и стискивает грудь, накрыв ладонями с двух сторон.

Большие пальцы Дана поглаживают затвердевшие соски по кругу, неспешно.

Между бедер все сводит от потребности, чтобы это продолжилось и прекратилось, снова продолжилось, и снова прекратилось.

Сумасшествие какое-то!

– Да, ты напряжена. Думаю, с этим надо что-то делать. Но не сейчас. Очевидно, сейчас у тебя все мысли о предыдущем дне. О нашем завтраке, – снова накрывает мой подбородок, куснув, ввсасывает кожу.

Вторая рука вновь опускается. Пальцы скользят по внутренней стороне бедра. Двигаются вдоль опасной линии, не прикасаются к пульсирующей точке.

Но изводят...

Нет прямых касаний, и от этого должно быть легче.

Но всякий раз, когда его пальцы так близко, так чувственно скользят, меня сжимает и накаляет, тело распяляется еще больше, и в очередном заходе, очевидно, просто сойдя с ума, я начинаю ерзать, и его пальцы чуть-чуть меня задевают.

Мгновенно рождается искорка, стон рвется с губ.

Глаза закатываются от удовольствия.

И от стыда.

От щемящего стеснения.

Боже, больше так не буду. Нет, не буду...

Но очередное касание. Его пальцы замирают, просто замирают на чувствительном, разгоряченном узелке плоти и ничего не делают. Совершенно.

Сбрендивший пульс со всего тела скатывается и стремится комком именно туда, в ту самую точку, где нагло прижатые мужские пальцы просто бездействуют, но...

Постепенно усиливают нажим.

По капле добавляют.

Дан лишь немного усиливает давление, а мое тело отвечает искрами и фейерверками, томящимися в ожидании.

Пытка бездействием и жадой. Жадой с моей стороны и бездействием с его стороны. Но эти пальцы так близко – крепкие, длинные, сильные пальцы...

Облизываю пересохшие губы, лицо Дана дрожит, расплывается, приближаясь.

– Хочешь – возьми. Позволь себе, – роняет глухим, сиплым шепотом на ухо, взламывая все мои установки и принципы.

Бедра дрожат и, сходя с ума от напряжения, совершают рывок.

Отчаянно мажу промежностью над мужской ладонью.

– Вот так.

Резко вперед и мучительно долго назад.

Довольно.

– Еще... Ты хочешь.

Нет.

Но внутри кипит возмущением и желанием, очередные барьеры сметаются новым движением таза, и, будто смирившись с полным поражением, тело начинает жить своей жизнью.

Бедра конвульсивно, в жаркой агонии движутся навстречу мужским пальцам.

Снова и снова нахожу напряженным телом ту самую точку, в которой наслаждение пульсирует и расширяется волнами.

Вторая рука Дана ласкает мою грудь, забавляется с сосками, добавляя остроты.

– Дааа... – стону в голос.

Едва не срываюсь, цепляюсь пальцами за крепкие плечи Дана для большей уверенности и устойчивости в своих движениях.

О стыде не думаю. О безопасности – тоже.

Вообще ни о чем не думаю, забывшись окончательно.

Все ближе и ближе к самому краю.

– Блять... Нереально!

Дан хлопает меня по заднице и прижимает к себе на мгновение, я разочарованно стону: очередная спираль удовольствия оборвалась.

– Дан... Даааан! – почти требую.

– Сейчас.

Он приподнимается, но ненадолго, снова опускается и шепчет мне в шею.

– Давай. Добавим удовольствия. Тебе будет вкусно... – и, подняв под попой, опускает, усадив пульсирующей щелочкой на...

Глава 13

Ника

– О боже... – выдыхаю.

Между складочек вонзается толстое, твердое копые.

Пальцы Дана покручивают мой клитор, сводя с ума ритмичной лаской. Я словно балансирую на самой вершине, боясь потерять контроль. Пальцы беспомощно скребут ткань футболки Дана. Я цепляюсь за него изо всех сил.

– Телом к телу приятнее, да? – замечает он и останавливается.

Чтобы снять футболку. Мне приходится откатиться немного назад, и между нами оказывается его пульсирующий, твердый член. О боже... При ярком свете он кажется совсем другим, и я не могу не пялиться, разглядывая длинный прямой ствол с покрасневшей головкой, выделившей смазку.

И он обрезан.

– Ты мусульманин?

– Что? – загибает светлую бровь. – Не видела обрезанных не мусульман?

– Но зачем?

– Мы будем обсуждать вопрос моего согласия в возрасте, когда моего согласия никто не собирався спрашивать, или займемся более приятными вещами.

Я отползаю назад на пятой точке. Сделать это невероятно сложно само по себе, плюс мои бедра сильно напряжены, а промежность словно налита горячим свинцом.

– Какая ты забавная... – замечает он, настигнув меня в два счета. – Поднимайся с пола.

Стоит ли говорить, что следом за его предложением подняться с пола следует действие: Дан сам меня поднимает, обхватив под попой.

Движение резкое и быстрое, мне приходится обхватить его торс ногами – это происходит автоматически и так ладно, будто мы много раз проделывали это. Дан одобрительно угукает, хлопнув меня по заднице.

От шлепка кожа горит... приятно и в ушах сильно звенит.

Мое тело прижато к его грудной клетке, тугие соски царапают мощную грудь, покрытую редкими светлыми волосками, которые почти не видны.

Мои ноги оказываются снова широко расставленными по обе стороны от его бедер. Каждый раз, когда я пытаюсь вырваться и просто дернуться в сторону, Дан делает небрежное, и едва заметное, можно даже сказать, игривое движение. Ленивый взмах здоровенной медвежьей лапой, и я остаюсь сидеть ровно там же, где была.

Но все ближе и ближе.

Теперь его член прижат к низу моего живота и пульсирует, почти в таком же ритме, как закручивается у меня между ног сильнейшее возбуждение.

– Мне пора готовить завтрак.

– Успеешь.

Дан с явным наслаждением сминает мою попу, гладит талию и сжимает ладони под грудью.

Большие пальцы чиркают по полушариям, подбираясь к соскам.

Меня начинает потряхивать.

– Пожалуйста, не стоит.

– Ты так смущаешься, – смотрит на меня с любопытством. – Ни разу не было полноценного секса?

– Нет.

– Будет.

– Нет! – возражаю с зарождающейся паникой. – Я... У меня...

– Ты не умрешь от оргазма, глупая. И даже если захочешь... я тебя реанимирую.

Ну и заявление, в переводе на человеческий означает: затрахую о смерти, но даже помереть не позволю!

Я не успеваю возразить, пальцы Дана смыкаются на сосках, сжимая и покручивая их. Он с наслаждением оттягивает сосок и возвращает, растирая его.

Снова и снова...

Похныкиваю от жара, рождающегося под его пальцами. Схожу с ума от потребности, наливающейся у меня между ног, требовательно и сладко, влажно...

Покусываю губы, ерзаю на мужских бедрах.

Новый шлепок по заднице заставляет взвизгнуть и глухо простонать в рот мужчины, которым он накрыл мои губы.

– До чего же неугомонная, – с этой фразой в меня проталкивается его горячий язык.

Комната наполняется темнотой, мои глаза закрываются, как по волшебству, когда его язык и губы захватывают мои сладким пленом. Он терзает мой рот, целуя его глубоко и требовательно.

И снова у меня не хватает слов, чтобы возразить ему или как-то соотнести свои новые впечатления о поцелуях с теми, что у меня были ранее.

Все, что я знаю о поцелуях, это сухие и торопливые касания обветренных губ к моим.

И влажные, противные, пьяные чмокания – значительно позднее, против моей воли.

Ни первое, ни второе – даже близко не находятся к тому, что происходит сейчас.

Мажущие прикосновения, уверенные толчки языка, демонстрация силы...

Эти наглые касания крадут дыхание из моих легких и заставляют меня раствориться в нем.

Я сижу с распахнутым ртом и просто принимаю этот вкус, запах, дрожу губами над его ртом.

Дан отстраняется:

– Целоваться не любишь? Тоже смысла не вижу, давай без обмена слюнями.

Голова кружится.

Дан проводит пальцем по моим половым губам.

Я вскрикиваю, вцепившись в него руками, когда он поглаживает меня там.

Все настойчивее и настойчивее, дальше и дальше, пока не касается абсолютно влажного входа с довольным урчанием.

– Чувствуешь, какая ты мокрая для меня, Белочка?

Его голос скатывается в довольное мурлыканье, горячий рот скользит по шее, покусывая губами.

– Насколько сильно твоей щелочке хочется, чтобы я с ней поиграл?

– Ноль.

– Лгунья.

Я крепко держусь за его плечи, с трудом сохраняя дистанцию и вынуждаю свои бедра не двигаться, пока он водит пальцем вверх и вниз по моей щели.

Несколько мучительно медленны дорожек туда-сюда, и... больше ничего.

С моих губ срывается стон с протестом.

Дан медленно ведет пальцы до клитора. Точечным, сильным нажимом вынуждает меня вспыхнуть, до острого помутнения, перед глазами разливается чернильная клякса.

– Ааа... – стону.

Тело дрожит в конвульсиях и требует продолжения.

Но он убирает пальцы, оставляя меня задыхающейся и жаждущей большего.

Ледяной, искрящийся взгляд скользит по моему телу, как горячее, дразнящее прикосновение любовника.

Вверх и вниз, из стороны в сторону, я понимаю, что мои бедра сильно дрожат от желания раскачиваться.

Его взгляд достигает моих глаз.

Мой пульс зашкаливает, когда я встречаюсь с ним взглядом. Мои соски торчат тугими острыми бусинками, и когда его взгляд опускается вниз, к моей груди, я чувствую, как ему нравится и мне тоже нравится, как он на меня смотрит.

– Ты покраснела.

– Мне стыдно.

– Стыдно?

– Ужасно стыдно.

– Давай я избавлю тебя от стыда. И от всех лишних мыслей.

Все закончится прямо сейчас?

Но только я неверно поняла его намерения и поскуливаю, когда он запускает пальцы в мои длинные рыжие волосы, запутываясь, и прижимает ладонь к затылку, подталкивая к себе.

Я не хочу. Не хочу... Не...

Но легкие переполняются пузырьками восторга, когда второй ладонью Дан сжимает мою задницу и прижимает к себе еще ближе.

Настолько близко, что я снова оказываюсь над его членом.

На его члене...

Он подбрасывает бедра вверх и нажимает на задницу, заставляя опуститься, натолкнуться половыми губами на головку члена.

Новый толчок...

– Мне нельзя... Нельзя... – шепчу испуганно, боясь, что реакция тела будет иной, и она...

Другая.

Да, другая.

Ощущения смывают волнами, толчками, Дан толкается в меня неспешно, растягивая, погружаясь, и я стону. Стону в нескольких жалких сантиметрах от его рта с поджатыми губами.

– Дан... Отпусти!

Не понимаю, о чем прошу.

Все так смешалось: это я и не я одновременно!

– Кончи на мой член, отпущу. Помоги себе, опусти пальчики и погладь себя.

Глава 14

Ника

– Кончи на мой член, отпущу. Помоги себе, опусти пальчики и погладь себя.

Это слишком порочно для меня, да, но эти же слова наполняют меня чем-то невероятным, искрящимся.

Не думала я, что однажды испытаю когда-нибудь такой восторг и ни с чем не сравнимый азарт.

Мне становится жарко и слишком приятно, сопротивление отходит на второй план.

Я вдруг забываю о том, что надо быть хорошей и следовать элементарным правилам сохранения жизни и здоровья в безопасности.

Правил нет, пульсирует под моей кожей уверенность.

Правила выдумываем мы сами.

То, что между нами происходит – невероятно сексуально, горячо и волнующе. Выше всех правил, вне пределов сдерживающих ограничений, и я не могу отрицать, что чувствую небывалый подъем из-за этого.

Забываю обо всем.

Дан еще крепче сжимает мои волосы, чтобы снова притянуть меня к своим губам.

– Тебе это дико нравится, не так ли, Белочка? – выдыхает хрипло. – Я чувствую, как сходит с ума твой пульс, ощущаю, как твоя сладкая маленькая киска влажная для меня.

Нет смысла отрицать очевидное.

Сейчас точно нет.

– Да, – тихо всхлипываю я, постанывая, когда он кусает нежно и грубо мой подбородок.

– Хорошо, – стонет он.

Его пальцы уверенно гладят меня между, от чего я дрожу, подмахивая бедрами.

– А теперь будь умницей и поиграй с этой хорошенькой киской для меня. Поиграй на моем члене. Присядь...

– Я не могу полностью. Я... Ни с кем не было! – озвучиваю главную преграду.

– Присядь, насколько захочешь, просто почувствуй, – соблазняет.

И меня отпускает.

Иллюзия контроля дарит покой и радость. Я позволяю своим пальцам дразнить свое тело.

– Божеееее... – вырывается из моего рта, когда я понимаю, как это хорошо и сладко, как трепетно.

Дан продолжает держать меня под задницей и немного давит, заставляя нанизываться на его толстый, торчащий член. Немного вниз, снова вверх, еще немного ниже, аааа...

Мои пальцы легко и плавно, порхая, скользят по мокрому теплу, покрывающему мои половые губы. Смазки так много.

Клитор вибрирует от натяжения и напряжения.

Каждое поглаживание – как удар микротоком, в чувствительный центр.

Ритм немного сбивается. Я впервые ласкаю себя... Еще и так бесстыже.

Ужасно порочно.

Невозможно отказаться...

Я настолько мокрая, что смазка беспрерывно течет из щели между ног и стекает по крупному, твердому столу. Дан наблюдает, как мои пальцы танцуют на узелке плоти и подсказывает.

Он подсказывает, я исполняю, и даже кричу от удовольствия, накатывающего острыми волнами.

Слишком хорошо и мокро.

Слишком вкусно его крепкий орган раздвигает половые губки, проникает внутрь, и я хочу еще глубже.

Еще немного ниже.

Шиплю от того, как он входит туже и плотнее.

– Не спеши.

Крупная дрожь с его стороны.

Конвульсия сильного тела.

Я поднимаю взгляд, замечая, как по его вискам и шее струится пот. Он дышит размеренно, но жутко мокрый, блестит, словно подтаявшая ледяная статуя.

– Ты хочешь меня? – интересуюсь я.

Дан на миг прикрывает глаза, и, когда снова распахивает их, меня омывают волной кипятка. Створки щели туго поджимаются, пульсируя вокруг его члена, немного погруженного в меня.

Только головка, но и ее я ощущаю невозможно остро...

Остро и недостаточно глубоко внутри себя.

Дан начинает двигать бедрами.

Проникновение глубже и требовательнее.

Через миг сопротивление бьет концом в тугую преграду, стонет.

– Быстрее. Мне нужно быстрее! – требует.

Обхватив меня под задницей крепче, Дан начинает меня легко поднимать и опускать, словно пушинку.

Он нанизывает меня на ствол, протыкает им на позвольтельно доступную глубину.

Я стону громче и громче, тяжело дышу. Пульс сходит с ума, сердце словно тряпочка, которую болтает ураганным ветром.

Он движет мной все быстрее и быстрее, и комната вокруг начинает расплываться. Я цепляюсь за крепкие плечи пальцами и дрожу, подмахивая бедрами.

Я знаю, что взорвусь в любую секунду.

Да-да, теперь я точно знаю. Точно уверена...

– Давай! – требует.

– Еще... Еще... – выпрашиваю я.

– Ласкай себя... Прямо сейчас... – хрипит едва разборчиво.

Я опускаю пальцы вниз, между нашими телами.

Всего несколько касаний, и я кричу.

– Да... Да... Даааан!

Я кричу, меня разбивает на ослепительные вспышки, на клочки удовольствия.

Дергаюсь на его члене, как сумасшедшая, теряю остатки самообладания от пульсации его члена внутри.

Бедра совершают взмахи.

Дан толкается глубже и вдруг крепче впиивается в мой зад пальцами, твердым рывком опустив вниз слишком сильно.

Цунами оргазма захлестывает меня, смывает все чувства, и на фоне этого вспыхнувшая красным боль чувствуется лишь щепкой в море удовольствия.

Потом боль впиивается в тело острой колючкой, втирается в нежную, разорванную плоть острой наждачкой.

Снова и снова.

Я продолжаю взмывать вверх и опускаться вниз, испытывая не самые приятные ощущения.

– Да... Вот так... Огонь... Огонь, Белка...

До моего слуха – доносятся отрывистые мужские признания.

И, несмотря на весь спектр болевых ощущений, я испытываю странное удовольствие от срыва его контроля. Такое болезненное и острое, дикое, как этот секс. Наш секс, он и я... О боже...

Я цепляюсь за плечи Дана, прижимаюсь губами к его губам и распахиваю рот.

Он втягивает мой язык в свой рот, сосет его грубо и жестко.

Мои пальцы тянутся вниз.

Предательски знакомым жестом находят ту самую точку и ласкают ее, теребят требовательно.

Меня отпускает, да... Боль уже не втягивает в свой водоворот, приправляет фоном более приятные эмоции.

И через несколько секунду я чувствую, как новый, тяжелый, острый и интенсивный экстаз разрушает меня.

Мужчина подо мной взрывается в оргазме, рычит и стонет, выпустив мой обезумевший язык.

Он кончает, выплескивается и продолжает нанизывать меня на свой горячий, твердый штак.

– Дан... – шепчу, пребывая в ужасе и горячем, приятном шоке.

Он в меня кончает... Боже...

Я ощущаю, как его сперма оmyвает меня изнутри, как врывается в лоно.

Слышу эти звуки и слышу наши запахи – пот, кровь, сперма...

– Ты в меня... – стону. – Прекрати!

– Я стерильный, – выдыхает быстро и дергает мной вверх и вниз уже медленнее, на каждом слоге опускает. – Стерильный...

Мы растянулись на диване.

Вернее, Дан размяк, привалившись на его спинку, я медленно растеклась на мужчине.

Дрожу, пока он неспешно гладит меня по волосам, запускает пальцы до самой кожи головы, поглаживает осторожно.

Отхожу от оргазма, сытая чувственность уступает место разумным мыслям, и на этом фоне особенно остро чувствуются запахи – сперма и кровь.

Кровь и сперма.

Между ног ноет. Я отлипаю от Дана, он весь перепачканный, в красных разводах, в скользкой смазке и сперме.

Должна признаться, я ничуть не лучше.

Запоздало оглушительно бьет по голове:

– Ты лишил меня девственности. О боже! О боже, мне было нельзя! Нельзя...

Дан лениво моргает.

Я продолжаю закипать паникой:

– Нельзя! Боже... Что теперь делать? Что теперь будет... Я должна была... Должна была дожидаться *Его*.

– Кого?

– Любимого... Он обещал меня найти. Обещал, что однажды мы будем вместе... – плачу беззвучно.

– Любимый? – переспрашивает Дан.

Он касается моего плеча, я переползаю в сторону, сгорая от стыда: шлюха! Я просто конченная шлюха... Проститутка! Я недостойная...

– Да, любимый! – плачу горько.

– Теперь у тебя один любимый. – пауза. – Это мой член!

– Что?! Нет! Ни за что... Ты... меня силой взял.

Дан поднимается рывком и потягивается, демонстрируя мне свой крепкий, красивый зад.

Мои слова он будто бы и не услышал. Зато говорит сам.

– Через сорок минут я жду свой завтрак. А пока свободна, – бросает небрежно.

Глава 15

Ника

Козлице.

Самый настоящий озабоченный козлице...

Лишил меня самого ценного, по-настоящему бесценного, и теперь... завтраки ему
готовь! Обойдешься...

Я вся в слезах и сомнениях. Душ не помогает.

Дыхательная гимнастика?

Отлично...

Техника четыре-семь-восемь...

Но только все сбивается, когда на кухню входит Дан. Я давлюсь свистящим выдохом на
счет «восемь» и кашляю, поперхнувшись.

Мужчина невозмутимо садится на стул и красноречиво смотрит на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.